

«КУЛАЦКИЙ КОЛХОЗ» КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС СТАЛИНСКОЙ КОЛХОЗНОЙ СИСТЕМЫ

Р. Ш. Хакимов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследована хозяйственная деятельность колхоза «Вперед», созданного из спецпоселенцев, ранее раскулаченных в ходе коллективизации 1930-х гг. и высланных в Челябинскую область. Неуставная сельхозартель явилась порождением коллективизации и была своеобразной формой приобщения раскулаченных к коллективному труду в советском колхозе. «Кулацкие колхозы», состоявшие из крестьян, сохранивших в себе предприимчивость, хозяйственную жилку, стремились приспособиться к суровым реалиям все подавляющей командно-административной системы и добиться хоть малой экономической свободы. Партийные органы жестко пресекали подобные, по их определению, «*частнособственнические устремления*», справедливо воспринимая это как подрыв всей колхозной системы. Автор определяет «кулацкие колхозы» как экономический парадокс сталинской колхозной системы.

Ключевые слова: колхоз, трудпоселенцы, спецпоселенцы, неуставная артель, кулаки.

Ушедшая в прошлое советская плановая экономика продолжает оставаться предметом изучения. Это объясняется и чисто исследовательским интересом, и тем, что без знания природы, истории развития тех или иных явлений, предшествовавших экономических отношений, усвоения уроков прошлого трудно решать проблемы настоящего и невозможно программировать будущее.

Несмотря на кажущуюся монолитность советской плановой экономики и полное уничтожение рыночных отношений, в ней слабыми ростками, через бетон плановости и тотального госрегулирования пробивались ростки элементов рынка. Как отмечают исследователи, «в реальной жизни нет чисто плановой экономики. В централизованной плановой экономике, какой была экономика бывшего СССР... можно найти некоторые черты рыночной экономики» [12. С. 34]. Такими проявлениями были колхозные рынки, вещевые рынки («барахолки»), комиссионные магазины, промысловые и промышленные артели, одиночки-кустари, а также действовавшие весь советский период и находившиеся вне правового поля подпольные мастерские, цехи, валютный рынок, спекулянты. Но еще одним из удивительно парадоксальных явлений было то, что внутри советской колхозной системы, созданной изначально как система обобщественного принудительного труда, также в отдельных случаях можно было наблюдать элементы рынка. Это особенно наглядно проявилось на примере особого рода колхозов — колхоза из трудпоселенцев. Следует объяснить историю их создания.

Как известно, коллективизация сельского хозяйства в 1929—1933 гг. сопровождалась насильственной конфискацией имущества, средств производства и изъятием из пользования земли у наиболее успешной и зажиточной части крестьян, что было названо раскулачиванием. По решениям местных органов власти проводилось выселение кулаков за пределы края (области) с конфискацией имущества. И оно приняло широкие масштабы. В справке Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ (Главное управление лагерей Объединенного государственного политического управления) указывалось, что в 1930—1931 гг. было выселено с отправкой на спецпоселение 381 026 семей общей численностью 1 803 392 чел. До 1934 г. крестьяне, направленные в «кулацкую ссылку», назывались спецпереселенцами, в 1934—1944 гг. — трудпоселенцами, а с 1944 г. — спецпоселенцами [2. С. 3—17].

Через определенное время, учитывая крестьянское происхождение, навыки крестьянского труда, из числа трудпоселенцев стали создавать неуставные сельскохозяйственные артели. Они назывались неуставные по причине отсутствия у них уставов и имели свои особенности. В своей работе данные артели руководствовались Инструкцией ГУЛАГа ОГПУ и Наркомзема (Народный комиссариат земледелия) по организации неуставных сельскохозяйственных артелей из трудпоселенцев. Работа артели велась по годовому производственному плану, утвержденному комендатурой, делами артели управлял уполномоченный артели, утверждаемый

комендатурой, общие собрания артели созывались только с разрешения комендатуры. Постановления собрания считались действительными только после утверждения комендатурой [7].

9 сентября 1938 г. Совет Народных Комиссаров СССР принимает постановление о переводе неуставных артелей трудпоселенцев на Устав сельскохозяйственной артели 1935 г., но ряд ограничений продолжал сохраняться. Так, трудпоселенцам был запрещен выезд за пределы административного района, где они проживали [8]. Трудпоселенцы продолжали оставаться на учете в спецкомендатурах. В довоенные годы и первые годы войны они не состояли на воинском учете, их не призывали в армию, они не могли вступать в профсоюзы, ударникам из числа трудпоселенцев не выделяли путевки в дома отдыха или в санатории, если это было связано с выездом из трудового поселка. Спецпоселенцам (трудпоселенцам) не выдавали паспорта.

Созданные формально на принципах «добровольности», колхозы фактически превратились в зону подневольного труда — тяжелого и почти неоплачиваемого.

И главная проблема колхозного труда, как отмечают исследователи, состояла даже не в его интенсивности, а в том, что из года в год он все более обесценивался, а его оплата становилась формальной. В 1946 г. после неурожая, а также вследствие принудительного изъятия хлеба в виде хлебазаготовок во многих колхозах крестьяне за свой труд в общественном хозяйстве (оплата по трудодням) вообще ничего не получили. В целом по СССР в 1946 г. 75,8% колхозов выдавали на трудодень меньше 1 кг зерна, а 7,7% — вообще не производили оплату зерном. В РСФСР колхозов, оставивших без хлеба своих колхозников, было 13,2% [3. С. 61, 62]. Колхозники теряли всякий интерес к работе в коллективном хозяйстве. В 1948 г. 14 тыс. колхозников в Челябинской области не выполнили установленный минимум отработки трудодней, что составило 10% к общему количеству членов колхозов¹.

Значительное количество кулаков и членов их семей были высланы на Урал. Так, по состоянию на 9 августа 1931 г. на Урале находилось около 600 тыс. спецпереселенцев, или до 120 тыс. семей. На Южном Урале они были сосредоточены на строительстве Магнитки, более половины общего количества; часть — на шахтах в Копейске и Сатке [6].

¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. 1379. Оп. 14. Д. 6. Л. 92.

В Челябинской области было образовано несколько таких колхозов. Примером успешной работы явился колхоз «Вперед» Красноармейского района. Ввиду трагического события, случившегося в колхозе в октябре 1946 г., данный колхоз дважды стал предметом обсуждения на заседании бюро обкома ВКП(б).

В условиях жесткого диктата партийно-советских органов колхоз добился устойчивого роста, укрепления достатка колхозников, стал колхозом «миллионером». В хозяйстве предпринимались меры по сокращению зависимости от государственных МТС (машинно-тракторная станция), внедрению передовой техники, электрификации производства. Высокие результаты в производстве были достигнуты на основе связей с промышленными предприятиями, привлечения наемной силы, организации коммерческой торговли, на основе пробуждения интереса колхозников к росту производства. Были налажены крепкие связи между партийной номенклатурой и руководством колхоза. В колхозе «Вперед» снабжалось сельхозпродуктами значительное количество руководящих партийных и советских работников района и области. Убийство в октябре 1946 г. двух привлеченных для работы в колхозе работников из города сделало колхоз объектом внимания бюро Челябинского обкома ВКП(б), и дело о колхозе «Вперед» дважды становилось предметом рассмотрения на заседании бюро.

28 октября 1946 г. бюро обкома ВКП(б) заслушало вопрос «О ходе расследования преступления, совершенного в колхозе «Вперед» Красноармейского района». Поводом для заслушивания послужило громкое преступление, совершенное в колхозе 12 октября. Группа местной молодежи совершила нападение на мастеров и учащихся ремесленного училища № 3, мобилизованных в колхоз для проведения уборки урожая и хлебазаготовок.

С самого начала обком ВКП(б) квалифицировал достаточно распространенное в молодежной среде уголовное явление как «контрреволюционное выступление антисоветской кулацкой банды», и оно «свидетельствует об оживлении кулацкой идеологии в напряженный период — хлебазаготовки»². Убийство было квалифицировано как «политическое». Было принято решение о роспуске «кулацкого колхоза». На следующий день, 29 октября был арестован председатель колхоза «Вперед» Н. Е. Лапов.

Сельскохозяйственная артель «Вперед» была организована в 1931 г. как неуставная. Тогда же был

² ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 26. Л. 76.

основан поселок спецпереселенцев, который был назван поселок колхоза «Вперед». В этом же году в артель влился колхоз «Новая жизнь». В 1938 г. колхоз «Вперед» был переведен на Устав сельхозартели, в 1940 г. в него вошел колхоз «Свободный труд». Все три объединившихся колхоза состояли в основном из спецпереселенцев, бывших кулаков, высланных в Челябинскую область. В 1946 г. артель «Вперед» насчитывала 381 трудоспособного колхозника, 4 автомашины¹. Заметим, что большинство колхозов Красноармейского района в то время вообще не имели никаких автомобилей. Колхоз располагал 6311 га земли, в том числе пашни — 2286, сенокосов — 1020 га².

Колхоз был крепким, дававшим ежегодно прибыли свыше 4 млн руб. Колхоз выполнял все плановые задания и виды поставок государству. Так, государственный план сева 1946 г. составлял 1476 га, а фактически было посеяно 1597,5 га. В сентябре 1944 г. колхоз «Вперед» был занесен на областную Доску почета, так как 5 сентября выполнил годовой план хлебосдачи. Колхоз сдал 1391 ц зерна [10]. Председатель артели Н. Е. Лапов в 1945 г. выступал на областном совещании передовиков сельского хозяйства при вручении переходящих Красных знамен Совнаркома СССР.

Колхоз «Вперед» внес большой вклад в достижение победы в годы Великой Отечественной войны. 29 марта 1944 г. колхозники колхоза «Вперед» и его председатель Н. Е. Лапов получили благодарственную телеграмму от Председателя Государственного Комитета Обороны И. Сталина: «Передайте колхозникам и колхозницам колхоза «Вперед», собравшим 200 000 руб. на вооружение Красной Армии, мой братский привет и благодарность Красной Армии»³.

Отметим, что сам Н. Е. Лапов был награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», в 1945 г. был принят в партию (исключен в декабре 1946 г., когда уже находился в заключении). Два его брата воевали, один погиб, другой был награжден орденом Красной Звезды, являлся членом ВКП(б)⁴.

В колхозе шла работа по электрификации производства: работала электрическая мельница, была электрифицирована механическая мастерская⁵. Для

решения вопросов электрификации Н. Е. Лапов выезжал в Москву, в Главсельэлектро.

Колхоз не только перевыполнял план посева и поставок государству, но и давал колхозникам на трудодень не менее 1—2 кг хлеба и других сельхозпродуктов, в том числе деньгами 10—12 руб. на трудодень⁶.

А в 1943 г. на один трудодень в колхозах Челябинской области приходилось 97 коп. деньгами, 0,4 кг зерна [5. С. 149]. Крепкими были и личные подсобные хозяйства колхозников. В личном пользовании колхозников имелось 222 коровы, 240 телят, 528 овец вместе с молодняком. В колхозе имелось 230 домашних хозяйств⁷. Огромное значение для благосостояния семьи колхозника имели приусадебные участки. Общая площадь приусадебных участков колхозников составляли 48,5 га⁸.

Как было отмечено в докладной записке: «В колхозе индивидуальный скот в своем количестве конкурировал со скотом обобществленным. Например, если обобществленного крупного рогатого скота в колхозе на 1 ноября 1946 г. было 603 головы, то в индивидуальном пользовании его было 462 головы, овец в колхозе 846 голов, в индивидуальном пользовании 528 голов. Приусадебные участки в среднем на каждый двор были 22 сотки. Большое количество скота в индивидуальном пользовании, а также большие приусадебные участки создавали условия для независимости бывших кулаков от производственной деятельности колхоза, так как расположенные вблизи промышленные центры: Коркино, Копейск, Челябинск — давали возможность для реализации по высоким ценам на рынках продукции, получаемой от индивидуального хозяйства, а широкое использование наемного труда в колхозе освобождало бывших кулаков от обязанности регулярно выходить на колхозные работы»⁹.

Бывшие так называемые «кулаки», по сути, крепкие и трудолюбивые крестьяне, даже став спецпоселенцами, сохранили исконно крестьянское трудолюбие.

Это было видно даже в сравнении с соседним колхозом «Прогресс», который состоял полностью из бедняков. Начиная с 1942 г. колхоз «Вперед», которому не хватало земли, сеял 200 га зерновых культур на землях колхоза «Прогресс», которые заросли сорняками и не обрабатывались. Кроме

¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 3869. Л. 63.

² Там же. Л. 61.

³ Там же. Л. 200.

⁴ Там же. Л. 289.

⁵ ОГАЧО. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 82. Л. 109.

⁶ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 3869. Л. 287.

⁷ Там же. Л. 81.

⁸ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 26. Л. 76.

⁹ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 11. Д. 327. Л. 105.

этого, еще 300 га земли колхоз «Вперед» брал для обработки у двух других колхозов — им. XVI партсъезда и им. Крупской¹.

И такое отношение к работе на земле было не только в колхозе «Вперед». Об этом же пишет председатель в 1958—1969 гг. известного в Читинской области колхоза им. Калинина Нерчинского района, ветеран Великой Отечественной войны, кавалер двух орденов Ленина И. Г. Проценко: «Лучшие работники возглавляемого мною колхоза были не кто иные, как раскулаченные и их дети, воспитанные в любви к труду. Колхоз, один из самых нищих в области, стал одним из ведущих благодаря врожденному трудолюбию крестьян, многих из которых власть раскулачивала, расстреливала, морила голодом» [11].

Особую обеспокоенность бюро Челябинского обкома вызывали «частнособственнические устремления» хозяйственной деятельности артели.

Как было отмечено в постановлении, «с целью уйти от зависимости от МТС и окончательно освободиться от контроля государства руководящая группа во главе с Лаповым ближайшей своей задачей ставила иметь собственные средства производства в виде электрического плуга. Для этого в течение года велась переписка и была установлена деловая связь с одним из московских научно-исследовательских институтов механизации сельского хозяйства о внедрении нового типа трактора, эксплуатируемого при помощи электроэнергии. Некоторая часть необходимых монтажных материалов для этого уже получена»². Получается, что стремление иметь свою технику, внедрение новых электроплугов ставилось в вину председателю.

Из постановления бюро обкома ВКП(б): «Колхозная столовая представляет собой коллективное кулацкое торговое предприятие — “трактир”»³. На нужды столовой в 1946 г. был предусмотрен расход 50 т зерна сверх израсходованных 56 т хлеба, не считая расхода большого количества овощей, мясо-молочных и других сельхозпродуктов. Причем продажа блюд столующимся, главным образом вольнонаемным рабочим, производилась по коммерческим ценам.

Факты найма колхозниками сторонних лиц для выполнения работы в колхозе были достаточно распространенным и одновременно парадоксальным явлением в жизни сталинского колхоза. Так, осенью

1934 г. в колхозе «Красный Урал» Магнитогорского района были факты массового найма единоличников отдельными колхозниками для работы в колхозах. Колхозники нанимали единоличников и рабочих близлежащего молочно-овощного совхоза. Плата наемным работникам производилась из расчета 8 пудов пшеницы за 1 га убранный картофеля или же 10 фунтов (*1 фунт — 410 г* муки за рабочий день. Всего такой наем был в 14 колхозах. Так, колхозник Волков, в прошлом середняк, наняв рабочих на уборку картофеля, сам совершенно не выходил на работу⁴.

В вину председателю колхоза «Вперед» Н. Е. Лапову также было поставлено то, что «развитие и укрепление экономики артели происходило на основе широкого использования наемной рабочей силы, привлекаемой со стороны, причем наемные рабочие делились на рабочих постоянного состава, работающих продолжительное время в течение всего года и имеющих постоянные рабочие номера, и на сезонных рабочих». В 1946 г. было привлечено 782 чел. вольнонаемной рабочей силы, в том числе на постоянные работы 242 чел⁵. В 1945 г. на оплату наемных рабочих был затрачен 25 161 трудодень, а за 10 месяцев 1946 г. — 25 896 трудодней. Кроме того, сезонным рабочим в 1945 г. было выдано 520 ц хлеба, а в 1946 г. — 360 ц, не считая других сельхозпродуктов⁶. Из материалов следствия: «Применяя в колхозе в таком большом количестве наемную рабочую силу и используя на колхозных работах общественную помощь, Лапов создавал в колхозе условия бывшим кулакам и другим тунеядцам благополучно жить в колхозе за счет *эксплуатации чужого труда*»⁷.

Особое внимание бюро обкома обратило на расстановку кадров в колхозе. Было отмечено: «Расстановка руководящих кадров в артели производится явно тенденциозно, с учетом классовой принадлежности в прошлом... правление колхоза состоит из 9 членов, из них 6 бывшие кулаки... бригадами овощеводческой и птицеводческой бригад также бывшие кулаки»⁸. Но это объяснялось тем, что «кулаки» знали новинки агротехники, умели обращаться со сложными сельхозмашинами, потому что они первые в деревне покупали их, нередко имели более высокий уровень образования; например,

¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 3869. Л. 86.

² ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 26. Л. 79.

³ Там же. Л. 77.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Ф. 42. Д. 1. Л. 219—220.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 3869. Л. 63.

⁶ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 26. Л. 77.

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 3869. Л. 165.

⁸ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 26. Л. 77, 78.

сам Н. Е. Лапов имел среднее образование, окончил двухгодичную сельскохозяйственную школу.

Комиссия, подготовившая записку к заседанию бюро обкома от 13 ноября 1946 г., сделала вывод: «Колхоз “Вперед” являл собой не что иное, как коммерческое предприятие, основанное на широком использовании наемного труда и механической силы окружающих промышленных хозяйств, широкой сети как внутри колхоза, так и вне его торговых точек, в виде коммерческих столовых, ларьков и пр.»¹.

Достаточно парадоксальную экономическую ситуацию, в которой находились колхозы в СССР, характеризует пункт обвинения против Лапова: «В течение 1945—46 гг. было приобретено артелью без документов разных материалов на рынке и у частных лиц на сумму 169 052 руб., тогда как эти материалы по твердым ценам 27 859 руб.»². Однако в условиях всеобщего дефицита и на протяжении всего советского периода существовавшего «черного рынка» в стране единственным выходом для хозяйства было обращение к частникам или приобретение через серые схемы у промышленных предприятий. Из-за неуверенности в обеспечении запчастями и материалами хозяйства многое приобретали впрок. В колхозе «Вперед», по некоторым материалам, как было отмечено в деле, были созданы запасы на много лет *вперед*³.

В постановлении бюро обкома было отмечено: «Широкое использование наемной рабочей силы, привлечение механической силы с промышленных предприятий на договорных началах, организация торговли сельскохозяйственными продуктами через так называемую колхозную столовую и на рынках, использование кулаками командных руководящих должностей в артели и выполнение выгодно оплачиваемых работ кулаками свидетельствует о том, что бывшие кулаки приспособились к новым условиям и пытаются использовать формы ведения хозяйства в артели в своих частнособственнических целях»⁴.

Фактически бюро обкома ВКП(б) выступало за сохранение в колхозе отсталых форм хозяйствования: использование ручного труда и тягловой силы (лошадей). Все это было направлено за сохранение зависимости колхоза «Вперед» от государства, от МТС, монопольно владевших техникой, и которая на основе фактически кабального

договора забирала у хозяйств неравноценную часть произведенного продукта.

Многие инициативы Н. Е. Лапова исходили из глубокого анализа положения дел в колхозе. Так, например, сложились неравноправные и экономически невыгодные для хозяйств отношения с МТС. За работу МТС колхозы производили натуроплату зерном и деньгами. Поэтому некоторые артели противились машинной обработке земли, стремясь обработать поле своими силами и больше заплатить своим колхозникам. Но такая практика местными властями решительно пресекалась.

А к этому времени тракторный парк МТС был изношен. Устаревшая техника, как отмечает В. П. Мотревич, уже в 1940 г. составляла свыше 90% занятого в сельском хозяйстве Урала тракторного парка. За годы войны положение только ухудшилось. Ввиду этого в МТС заметно возросла себестоимость тракторных работ. Так, себестоимость одного гектара «мягкой пахоты» в Свердловской области увеличилась с 36 руб. в 1940 г. до 47 руб. в 1945 г. В результате МТС стали нести большие убытки. В 1943 г. только в Свердловской области они превысили 3 млн руб. [4]. Такое же положение было в Челябинской области. Рост убытков заставлял МТС любой ценой добиваться снижения себестоимости тракторных работ. В результате в первую очередь они стремились выполнять легкие работы — боронование, культивацию и плохо соблюдали требования агротехники. А на основании подписанного договора МТС в любом случае требовали выполнения его условий и оплаты деньгами и натуроплатой.

И, естественно, Н. Е. Лапов, как рачительный хозяин, стремился уйти от обременительной для хозяйства зависимости от МТС, привлекая трактора с промышленных предприятий, рассчитываясь с ними сельхозпродукцией и выделением земли под посадку картофеля. Экспертно-техническая комиссия отмечала: «Лапов ежегодно “изыскивал” по два гусеничных трактора на сельскохозяйственные работы в колхоз на выгодных условиях с тем, чтобы уменьшить государственный план хлебосдачи (как известно, основа плана хлебосдачи составляет за счет натуроплаты за работу машинно-тракторного парка на 1 га посева МТС). В результате чего по колхозу “Вперед” сдавали значительно меньше в сравнении с другими колхозами, в связи с этим колхоз одним из первых выполнял свои обязательства перед государством»⁵.

¹ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 11. Д. 327. Л. 114.

² ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 3869. Л. 69.

³ Там же. Л. 69.

⁴ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 26. Л. 77, 78.

⁵ Там же. Л. 223.

В принятом постановлении бюро обкома ВКП(б) было записано: «Войти с ходатайством в Совет Министров СССР о ликвидации сельскохозяйственной артели “Вперед”, организовав на базе участка “Прогресс” самостоятельный колхоз, укрепив его за счет средств производства ликвидированной артели “Вперед”, а на базе артели “Вперед” организовать совхоз... имея в виду его близость к крупному промышленному центру — г. Копейск, придать ему овоще-картофельное направление...» Однако роспуск колхоза «Вперед» мог стать примером и для других артелей. Кроме этого, последовали обращения колхозников о сохранении колхоза. В конечном итоге колхоз был сохранен из-за обращения колхозников и опасения нарушить общую партийную линию на закрепление колхозников в колхозе. Колхоз не был распущен и просуществовал до 1961 г., когда был реорганизован в совхоз.

На заседании бюро обкома был затронут и весьма щепетильный для существовавшей тогда партийно-советской системы вопрос. Как отметило бюро обкома ВКП(б) на своем заседании 13 ноября 1946 г., «большинство руководящих работников района: секретарь райкома ВКП(б) т. Волошенко, председатель райисполкома т. Романенко, его заместитель Пушкарев, начальник районного отдела МГБ Лагунов, комендант спецссыльных Портнягин... находились в прямой материальной зависимости от председателя правления Лапова, брали в колхозе хлеб, кур, мясо-молочные и другие сельскохозяйственные продукты»¹. Эти действия квалифицировались как «самоснабжение».

Можно только поразиться деловой сметке и хватке председателя колхоза Н. Е. Лапова, наладившего сотрудничество с несколькими десятком деловых партнеров — предприятий и организаций, среди них трест «Шахтострой», трест «Копейскуголь» вплоть до Опытного танкового завода в Челябинске и управляющего конторой Судснаб Министерства судостроительной промышленности СССР. И все договоренности сторонами выполнялись, и сотрудничество приносили реальную пользу колхозу. Здесь можно увидеть товарные отношения, характерные для рынка, но здесь они функционировали в примитивной форме обмена материалов, продуктов и услуг (выделения тракторов, автомашин, стройматериалов, вагонов). Реально существовавшая потребность обмена пробивалась через запрет инструкций, положений, постанов-

лений. В колхозе имелись свой кирпичный завод, парниковое хозяйство.

Колхоз «Вперед» в отличие от других хозяйств был финансово устойчив, не имел кредиторской задолженности, дебиторская на 1 января 1947 г. составляла 66 173 руб., отдельно в заключении комиссии было отмечено, что безнадежной дебиторской задолженности не имеется².

Председатель колхоза Н. Е. Лапов стремился в условиях диктата партийно-государственных органов отстаивать хотя бы малую самостоятельность колхоза и проявлял заботу о колхозниках. И это ставилось ему только в вину. В деле указано: «Вина Лапова состоит в том, что вместо строительства помещений для обобщественного скота, строил за счет колхозных средств индивидуальные жилые дома»³. Было построено 18 домов для колхозников.

Судебная коллегия по уголовным делам Челябинского областного суда 2 августа 1947 г. признала Н. Е. Лапова виновным в преступлении по ст. 109 УК РСФСР и осудила его к восьми годам лишения свободы с конфискацией имущества⁴. В ходе проверки выяснилось, что наряду с колхозом «Вперед» в Челябинской области были и другие «кулацкие колхозы». К ним относились колхоз «Объединение» в Агаповском районе, колхозы «VII Съезд Советов» и «2-я пятилетка» в Горняцком районе города Копейска, «Новый быт» в Коркинском районе.

Ситуация, сложившаяся в колхозе «Вперед», была типичной и для всех «кулацких» колхозов. Например, можно привести данные по колхозу «2-я пятилетка», он также был создан из спецпереселенцев. Им руководил Шиленков, сын крупного кулака, раскулаченного и высланного, как и Н. Е. Лапов, из Горьковской области в 1931 г. В справке комиссии обкома ВКП(б), было отмечено: «Сельскохозяйственная артель “2-я пятилетка” превратилась в “коммерческое” предприятие. Применяет громадное количество ежегодно наемной рабочей силы. В 1946 г. наемной рабочей силой выработано 6400 трудодней, что составляет 106,5 процента к числу выработанных трудодней колхозниками. Мало используется коллективный труд членов артели. Производственные средства МТС колхозом *вытесняются с целью, чтобы не платить натуроплаты государству* за произведенные работы МТС. Таким образом, колхоз в 1946 г. недодал государству зерна более 100 тонн и картофеля —

¹ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 42. Д. 26. Л. 80.

² ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 3869. Л. 79, 72.

³ Там же. Л. 77.

⁴ Там же. Л. 399.

80 тонн. Эти продукты остаются в колхозе в целях обогащения бывших кулаков»¹.

Необходимо пояснить, что Устав сельхозартели 1935 г. (ст. 13) разрешал наем временных рабочих лишь в исключительных случаях, когда срочные работы не могут быть выполнены в требуемый срок наличными силами членов артели при полной их загрузке, а также для строительных работ. Однако в колхозе «2-я пятилетка», временными рабочими был выполнен объем больше, чем всеми колхозниками.

Так же как и колхоз «Вперед», колхоз «2-я пятилетка» получал прибыль за счет продажи сельскохозяйственных продуктов по рыночной стоимости через ларьки, столовую и колхозный рынок, широкого использования наемного труда и привлечения за дешевую плату механической силы окружающих промышленных предприятий Копейска и Челябинска.

Дело об артели «Вперед» и его председателе Н. Е. Лапове является весьма характерным для раскрытия деятельности колхозов и их места в экономической жизни СССР.

Рыночные отношения, несмотря на все противодействие органов власти, объективно не могли не проявляться повсеместно во всей колхозной системе. Крайне низкая оплата труда в хозяйстве приводила к тому, что колхозники уходили на сторону в поисках заработка. Так, в стране было развито отходничество: когда колхозники с разрешения правления колхоза уходили на заработки на предприятия и на стройки. В 1937 г. количество отходников, по данным Госплана СССР, достигало 4 млн чел. [9. С. 195]. Для укрепления своего финансового положения колхозы открывали различные цеха для выпуска востребованной на рынке продукции, которую не могли выпустить госпредприятия, проявляя элемент мобильности и реагирования на спрос потребителей. Так, Ш. Фицпатрик пишет о колхозах в Московской области, которые имели гончарные производства, цехи по изготовлению кружев, производили гитары, балалайки, мандолины, другие музыкальные инструменты. Один из колхозов Московской области разрешил предприимчивому городскому жителю организовать в своих помещениях производство карт и других школьных принадлежностей, другой колхоз использовался как ширма для нелегального производства галантерейных изделий [Там же. С. 184, 185].

На примере Н. Е. Лапова можно увидеть природную хозяйственность и сметливость русского крестьянина, которая проявлялась даже в условиях сверхзарегламентированной колхозной системы. Также можно увидеть, насколько несамостоятельными и зависимыми от партийно-советских органов были эти формально независимые и добровольные объединения. Здесь ясно проявляются истоки глубинных противоречий, которые в конце концов привели к всеобщему кризису, а затем и окончательному слому колхозной системы в СССР. Основным недостатком колхозной системы состоял в том, что она сковывала инициативу колхозников и руководителей хозяйств, лишала материальной заинтересованности работников в результатах своего труда, не давала проявляться в полной мере инициативе и способностям людей, а наоборот, жестоко наказывала за поиск, творчество и предприимчивость.

«Кулацкие колхозы», состоявшие из крестьян, сохранивших в себе даже в условиях жесткой регламентации всей хозяйственной жизни предприимчивость, хозяйственную жилку, стремились приспособиться к суровым реалиям все подавляющей командно-административной системы и добиться хотя бы малой экономической свободы. Они искали и находили малые щели в жесткой системе экономических отношений, сложившейся к тому времени в СССР: стремились сократить зависимость от госструктур — МТС; фактически на простейшей основе товарообмена завязывали неформальные хозяйственные связи с промышленными предприятиями; создавали условия для сохранения и развития личных подсобных хозяйств колхозников; создавали внутри себя коммерческие структуры — киоски, лавки, столовые; использовали для реализации продукции колхозные рынки. Парадоксом советской системы было использование труда наемных работников со стороны в *коллективном* хозяйстве (колхозе). И это происходило в колхозе «Вперед» и других «кулацких колхозах». Другим проявлением парадокса было то, что власть не могла и распустить «кулацкий колхоз» из опасения подать пример для других колхозов и в то же время она не давала экономическую свободу. Власть исходя из своего положения диктата препятствовала внедрению в колхозное производство передовых технологий (электрификация производства), тем самым закрепляла технологическое отставание. И все это было признаком кризиса колхозной формы хозяйствования.

Но «кулацкие колхозы» могли выжить и существовать лишь в условиях, когда им благоприятствовали и некоторые внешние обстоятельства, как,

¹ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 11. Д. 327. Л. 104.

например, близость к крупным промышленным центрам, где имелись потребители продукции с достаточно высоким уровнем дохода (шахтеры и металлурги) и одновременно была возможность установления связей с промышленными предприятиями: в случае с колхозами «Вперед» и «2-я пятилетка» близость к Челябинску, шахтерским городам Копейск, Коркино, а с колхозом «Объединение» Агаповского района близость — к Магнитогорску.

Также обязательным в условиях командно-административной системы было патронирование

(покровительство) этих хозяйств частью партийно-советской верхушки в обмен на ее льготное обеспечение. Заметим, что 22 сентября 1947 г. решением Верховного Суда РСФСР Н. Е. Лапов был освобожден из заключения с условным испытательным сроком и без конфискации имущества.

И на примере колхоза «Вперед» можно увидеть внутреннее разложение партийно-советской номенклатуры, выразившееся в материальной связи ее с этими же «кулацкими колхозами», в постоянных поборах с колхозов.

Список литературы

1. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. 1379. Оп. 14. Д. 6; Ф. 280. Оп. 42. Д. 1, 26; Ф. 467. Оп. 4. Д. 3869; Ф. 1129. Оп. 1. Д. 82; Ф. 288. Оп. 11. Д. 327.
2. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. М.: Науча, 2005. 306 с.
3. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М.: РОССПЭН, 1999.
4. Мотревич В. П., Никилев А. Ф. МТС и колхозы. Взаимоотношения в условиях военного времени (на материалах уральского региона) // *Аграрное образование и наука*. 2013. № 1-4.
5. Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в годы Великой Отечественной войны // *Южно-уральцы на фронте и в тылу*. Челябинск, 1997.
6. Раков А. А. Спецпоселенцы Южного Урала: происхождение, социальный состав, условия содержания (по материалам анализа базы данных «СЮ») // *Историко-экономические исследования*. 2010. Т. 11, № 3. С. 18—26.
7. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938 гг. Новосибирск. ЭКОР. 1994. С. 46—52. Архив: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1-с. Д. 17. Л. 39—44. Заверенная копия.
8. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933—1938 гг. Новосибирск. ЭКОР. 1994. С. 40. Архив: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 148. Л. 91. Подлинник.
9. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.
10. Челябинский рабочий. 1944. 8 сент. № 178.
11. Читинское обозрение. 2016. 16 нояб. № 46 (1416).
12. Бархатов В. И., Журавлева Г. П., Горшков А. В. [и др.]. Экономическая теория: учебник / под ред. В. И. Бархатова, Г. П. Журавлевой. М.: Финансы и статистика, 2007.

Сведения об авторе

Хакимов Рашид Шавкатович — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. hakra51@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2020. No. 6 (440). *Economic Sciences. Iss. 69. Pp. 169—177.*

“KULAK COLLECTIVE FARM” AS AN ECONOMIC PARADOX OF THE STALINIST COLLECTIVE FARM SYSTEM

R. Sh. Khakimov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. hakra51@mail.ru

The article explores the economic activities of the collective farm Forward created from special settlers, previously dispossessed during the collectivization of the 1930s and sent to the Chelyabinsk region. The non-manual agricultural artel was a product of collectivization and was a form of inclusion of the dispossessed people to collective labor in the Soviet collective farm. “Kulak collective farms” consisted of peasant people who

have retained their enterprise spirit, economic vein, sought to adapt to the harsh realities of the circumambient command and administrative system and achieve at least a little economic freedom. Party bodies rigidly suppressed such, by their view, «private aspirations», rightly taking it as undermining the entire collective farm system. The author defines “kulak collective farms” as an economic paradox of Stalin’s collective farm system.

Keywords: *collective farm, workers, special settlers, hazing artel, fists.*

References

1. Obedinennyj gosudarstvennyj arhiv Chelyabinskoy oblasti [Joint State Archive of the Chelyabinsk Region]. F. 1379. Op. 14. D. 6; F. 280. Op. 42. D. 1, 26; F. 467. Op. 4. D. 3869; F. 1129. Op. 1. D. 82; F. 288. Op. 11. D. 327 [in Russ.].
2. Zemskov V. N. (2005) Spetsposelentsy v SSSR, 1930—1960 [Special settlers in the USSR, 1930—1960]. Moscow, Nauka. 306 p. [in Russ.].
3. Zubkova E. Yu. (1999) Poslevoennoe sovetskoe obshestvo: politika i povsednevnost. 1945—1953 [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945—1953]. Moscow, ROSSPEN [in Russ.].
4. Motrevich V. P., Nikilev A. F. (2013) *Agrarnoye obrazovaniye i nauka*, no. 1-4 [in Russ.].
5. Paleckih N. P. (1997) Yuzhnouralcy na fronte i v tylu [in Russ.].
6. Rakov A. A. (2010) *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, vol. 11, no. 3, pp. 18—26 [in Russ.].
7. (1994) Specpereselency v Zapadnoj Sibiri. 1933—1938 gg. [Special settlers in Western Siberia. 1933—1938]. Novosibirsk, EKOR. Pp. 46—52. State Archive of the Russian Federation (n. SARF). F. R-9479. Op. 1-s. D. 17. L. 39—44. Zaverennaya kopiya [Certified copy] [in Russ.].
8. (1994) Specpereselency v Zapadnoj Sibiri. 1933—1938 gg. [Special settlers in Western Siberia. 1933—1938]. Novosibirsk, EKOR. SARF. F. R-5446. Op. 1. D. 148. L. 91. Podlinnik [Original] [in Russ.].
9. Ficpatrik Sh. (2001) Stalinskie krest'yane. Social'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody [Stalin peasants. The social history of Soviet Russia in the 30s: a village]. Moscow, ROSSPEN. 422 p. [in Russ.].
10. (1944) *Chelyabinskij rabochij*. 8 September, no. 178 [in Russ.].
11. (2016) *Chitinskoe obozrenie*. November 16th, no. 46 (1416) [in Russ.].
12. Barkhatov V. I., Zhuravleva G. P. (eds.). (2007) *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic Theory]. Moscow, Finance and statistics [in Russ.].